

ХРОНИКА

**XII ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 950-ЛЕТИЮ СОФИЙСКОГО СОБОРА
И ЗОЛОТЫХ ВОРОТ В КИЕВЕ**

11—16 мая 1987 г. в Киеве проходила очередная XII Всесоюзная сессия византистов. На этот раз она была посвящена 950-летию Софийского собора и Золотых ворот в Киеве. Сессия была организована Институтом всеобщей истории АН СССР, Институтом истории АН УССР и Государственным историко-архитектурным заповедником «Софийский музей».

Открытие сессии состоялось 12 мая. На нем присутствовали: А. Т. Лата, представитель ЦК Компартии Украины, И. М. Кравец, представитель Совета Министров УССР, З. В. Удальцова, директор Института всеобщей истории АН СССР, Ю. Ю. Кондуфор, директор Института истории АН УССР, П. П. Толочко, директор Института археологии АН УССР, В. Н. Ачкасова, директор Государственного историко-архитектурного заповедника «Софийский музей». С приветствиями выступили: от АН УССР — В. И. Шинкарук, член-корреспондент АН СССР, академик АН УССР, директор Института философии; от Госстроя УССР — Ю. И. Писковский, начальник архитектурно-планировочного управления; от Новгородского музея — И. И. Карева, зав. отделом истории Софийского собора Новгородского заповедника.

Открыла конференцию директор Института всеобщей истории АН СССР, член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова. Во вступительном слове она подчеркнула большое значение сессии в развитии византиноведения, высоко оценила плодотворное сотрудничество византистов Москвы, Ленинграда и других научных центров с украинскими коллегами, подробно охарактеризовала исключительную роль Софии Киевской (950-летию которой посвящена сессия) в истории русской и мировой культуры.

На пленарном заседании З. В. Удальцова выступила с докладом «Киев и Константинополь — культурные связи до XIII века», где был сделан тщательный анализ культурно-исторического взаимовлияния двух столиц, прослеживались пути, по которым происходил культурный обмен между Русью и Византией.

950-летию Софийского собора были посвящены искусствоведческие доклады В. Н. Ачкасовой «Памятники древнерусской архитектуры Софийского заповедника. Исследования, реставрация, ис-

пользование» и С. А. Высоцкого (Киев) «Древнерусская тема в светской живописи Софийского собора в Киеве». Доклады содержали ценную информацию о новых открытиях и их истолковании, анализ памятников искусства с последующими выводами историко-идеологического порядка.

Г. Л. Курбатов (Ленинград) в докладе «К истории становления византийско-русских отношений (социально-экономические аспекты)» подробно остановился на роли Константинополя в эпоху упадка византийских городов. Докладчик не согласился с выводом Э. Арвейлер о том, что в VIII—IX вв. в Византии происходит крах городов и торговли. В эти столетия зарождается международная торговля Византии, государством проводится политика поощрения импорта. Анализируя взаимоотношения между Византией и Русью, Г. Л. Курбатов подчеркнул, что на первом этапе Русь оказывала активное давление на Византию в области торговли, на следующем этапе для Руси более свойственно приобретение товаров посредством дани. В IX—XI вв., с ростом городов, складыванием феодальных отношений, Византия производила уже больше товаров на экспорт, поэтому с конца X в. складывается новая экономическая основа для отношений с Русью.

Заседания XII сессии византистов проходили по секциям истории и истории искусств.

Председателями заседаний секции истории являлись: С. П. Карпов, Н. Ф. Котляр, Г. Л. Курбатов, К. В. Хвостова. Руководила секцией К. В. Хвостова. Ряд докладов был посвящен ранней истории Византии.

В докладе Т. Ю. Бородай (Москва) «Ранневизантийское представление о человеке» раскрывалась роль античных традиций в формировании представления о человеке в ранней Византии, рассматривался вопрос о соотношении духа и плоти в византийской философской мысли. Критикуя распространенное представление о том, что христианство привнесло в философию понятие об аскезе, Т. Ю. Бородай пришла к выводу, что человек в ранней Византии воспринимался как «открытая система», мыслился как существо изначально цельное.

Предметом исследования Г. Е. Лебедевой (Ленинград) в докладе «К истории

социальных отношений в ранней Византии стала система колоната. Докладчица считает, что государственно-фискальная эксплуатация была направлена не столько на укрепление зависимости колона от землевладельца, сколько на прикрепление колоннов к земле. Г. Е. Лебедева подробно рассмотрела роль землевладельца и поместной организации в системе колоната, положение колоннов. Фактически, утверждает докладчица, колонат — это трансформированный вариант рабства. Беглые колонны возвращались своему господину, отработочная рента свидетельствовала о начале процесса закрепощения, хотя по статусу колонны считались свободными.

В докладе А. А. Чекаловой (Москва) «Рецепция античных празднеств и зрелищ в Византии в VII—XII вв.» была раскрыта роль античных, языческих, восточных традиций в развитии празднеств и зрелищ, а также в церковной службе ранней Византии. Автор доклада утверждает, что церковная служба впитала в себя большое число элементов античных праздников, театрализованных зрелищ, о том, что в св. Софии представлялись мистерии, в том числе «Явление Христа ученикам»; праздник в честь сбора винограда (известный в античности как Дионисии) становится в Византии символом праздника Успения. Языческие традиции оцутимы в праздновании Пасхи и Успения. В церковной службе, подчеркивает А. А. Чекалова, широко использовалась светская и народная музыка. Празднества в ранней Византии, как и языческие праздники, начинались с вечера. В качестве примеров рецепции античных празднеств докладчица приводит исполнение аккламаций на ипподроме и «овощной» праздник, который имел сходство с Олимпийскими играми.

В докладе О. Р. Бородина (Москва) «Инвектива „Против Рима“ — памятник итало-византийской политической поэзии» выявлены новые аспекты в изучении названного источника. Автором данного памятника принято считать Иоанна Скотта Эриугену. Докладчик высказывает предположение, что произведение написано в VII в. в византийской Италии антигречески настроенным римским патриотом. Затем, в течение нескольких столетий, оно использовалось как оружие в идейно-политической борьбе, первоначально против Византии, а затем — против папства. Среди тех, кто применял его таким образом, был и Эриугена, не являвшийся, однако, автором стихотворения.

Социальным аспектам ранневизантийской истории был посвящен доклад А. С. Козлова (Свердловск) «Восстание Тригильда в Малой Азии в 300—400 гг.». Докладчик отметил, что восстание готов-грейтунов под руководством Тригильда в Малой Азии по-разному оценивается в историографии. А. С. Козлов поддерживает точку зрения Г. Альберта, который полагал, что социальная сторона восстания выразилась прежде всего в стремлении грейтунов избавиться от статуса «coloni» и приобрести статус

федератов. А. С. Козлов привел новые факты в подтверждение этой точки зрения. Общий вывод докладчика: движение готов в Малой Азии в конце IV в. имело целью получение ими статуса полноправных свободных и вместе с тем было проявлением военно-варварской оппозиции правительству империи.

На секции истории прозвучали два доклада по средневизантийскому периоду истории империи: Я. Н. Любарский (Ленинград) прочитал доклад «Император Михаил III (К проблеме типологии царского поведения)». В докладе раскрывается образ императора Михаила III как правителя, анализируется феномен утверждения неограниченной власти через шутовство, юродство, гротеск. Докладчик подчеркивает, что Михаил III осуществлял утверждение абсолютной власти посредством фиктивного отказа от нее (в шутовских забавах, мимических представлениях и т. д.). Карнавальный характер ряда действий, устраиваемых императором, как предполагает докладчик, восходит к греческим крониям и римским сатурналиям. Я. Н. Любарский проводит аналогии в стиле царского поведения между Михаилом III, Иваном Грозным и Петром I.

Вызвал интерес слушателей посвященный ряду спорных вопросов военно-политической истории государств Малой Азии в XII в. доклад В. П. Степаненко (Свердловск) «Цицилия, „дама Тарса“, и судьбы Равнинной Киликии в 10—30-е годы XII в.»

Поздневизантийской тематике были посвящены доклады С. Н. Гуковой (Ленинград), П. И. Жаворонкова (Москва), Н. Д. Барабанова (Волгоград), С. В. Близнюк и В. Г. Ченцовой (Москва).

С. Н. Гукова в докладе «Диалог „Флорентий“ Никифора Григоры в поздневизантийской образованности», внимательно проанализировав текст Григоры, пришла к выводу, что в сочинении под псевдонимами выведены участники паламито-акиндинских споров, а в образе Варлаама-Ксенофана осуждаются латинская образованность и софисты. Григора скептически оценивает западную образованность, подчеркивает С. Н. Гукова, в диалоге «Флорентий» он подвергает ее резкой критике.

П. И. Жаворонков в докладе «Гуманистические мотивы в культуре Никейской империи» подчеркнул, что такие явления, как энциклопедизм, стремление выразить в произведениях свой собственный духовный мир, сближают ученых Никейской империи с византийскими гуманистами XIV—XV вв. П. И. Жаворонков рассматривает реставраторские тенденции в культуре Никейской империи, причины возросшего интереса к античности, повышение роли индивидуализма в творчестве никейских мыслителей. В докладе сделан упор на значение опыта, преемственности между культурой Византии в XI—XII вв. и культурой Никейской империи. В то же время докладчик обращает внимание на характерные индивидуальные черты культуры никейского периода.

Доклад Н. Д. Барабанова «„Слово“

Феокиста Студита как образец исихастской пропаганды 30-х годов XIV в.» был посвящен анализу малоизученного источника «Слово на перенесение мощей во святых отца нашего Афанасия, патриарха Константинополя», впервые опубликованного в 1983 г. Докладчик отметил, что «Слово» сыграло большую роль в деле создания культа патриарха, что оно содержит адаптированные к восприятию широких масс населения столицы элементы исихастского учения. С помощью культа, носящего исихастский характер, делает вывод докладчик, исихазм выходил за стены афонских монастырей и скитов, воздействуя на массы еще до начала споров 40-х годов.

В докладе С. В. Ближнюк «Торговая политика государства Кипр в XIII—XIV вв.» была сделана попытка выявления особенностей торгово-предпринимательской деятельности венецианцев на Кипре. Докладчица пришла к выводу о единстве венецианской политики во владениях Республики св. Марка и на Кипре, где венецианцы вели постоянную торговлю.

В докладе В. Г. Ченцовой «Положение греческого населения в городах венецианской Романии» рассматриваются проблемы, связанные с взаимоотношениями автохтонного греческого населения и западноевропейских завоевателей. Докладчица в своем сообщении опиралась на сведения венецианских и некоторых византийских источников. В. Г. Ченцова приходит к выводу о том, что правоспособность греков в венецианской Романии была ограничена. Однако отношения венецианских властей к местному населению претерпели определенную эволюцию, которая объясняется, с одной стороны, заинтересованностью венецианцев в обеспечении внутренней социальной стабильности, а с другой — их стремлением обеспечить себе поддержку коренного населения в связи с внешнеполитическими осложнениями и постоянной турецкой угрозой.

На заседаниях секции истории особое место было уделено византино-русской проблематике, культурным связям Руси и Византии.

Н. Ф. Котляр (Киев) в докладе «Походы Романа Мстиславича на половцев и Византию (из комментариев Галицко-Волынской летописи)» на основе многочисленных источников: Галицко-Волынской летописи, Суздальской летописи, «Истории» Никиты Хониата, «Слова о полку Игореве» и др. — приходит к выводу, что всего было не два, как считалось прежде, а три похода Романа Мстиславича. Н. Ф. Котляр предложил в связи с этим ряд аргументированных новых датировок.

В докладе П. А. Моци (Киев) «О путях проникновения христианства с Византии на Русь» высказывается гипотеза о существовании особого закарпатского центра распространения византийского православия на Руси; начало его функционирования докладчик связывает с деятельностью солунских братьев Кирилла и Мефодия, а продолжение — с влиянием

православной епископии, которая находилась в Кракове и подчинялась константинопольской патриархии. Докладчик подчеркнул, что позиции православия особенно окрепли, когда прикарпатский регион прочно вошел в состав Древнерусского государства.

В докладе М. Ю. Брайчевского (Киев) «Ольга и Константинополь» была выдвинута новая гипотеза о времени крещения княгини Ольги. Автор относит это событие к 947 г. Местом крещения мог быть не только Константинополь, но и Киев. Докладчик склонен также считать, что рассказ о крещении княгини Ольги во Владимирской летописи был сознательно изменен в политических целях.

Проблемы христианизации Руси рассматривались и в докладе Е. Н. Дзюбы (Киев) «Принятие христианства на Руси в украинской литературной традиции конца XVI—начала XVII в.». В основу доклада положены украинские полемические сочинения, в первую очередь труд Захария Копыстенского.

Русско-византийским религиозно-политическим отношениям конца X—начала XII в. был посвящен доклад А. Б. Головки (Киев). Докладчик подробно остановился на ключевых моментах этих отношений, выявил их основные этапы.

В докладе Я. Н. Шапова (Москва) рассматривалось влияние местных условий и византийских идей на концепцию соотношения «священства» и «царства» в Древней Руси в X—XII вв. Докладчик подчеркнул, что влияние Византии особенно сильно сказывалось в начальный период взаимоотношений государства и церкви на Руси; с развитием феодализма, появлением церковной десятины, утверждением церкви в качестве земельного собственника византийское влияние ослабевает. Об этом ярко свидетельствует факт назначения в 1147 г. митрополитом киевским Климента без согласия Константинополя.

И. С. Чичуров (Москва) в докладе «Легенды об апостоле Андрее в византийской и русской традиции» провел сопоставление различных вариантов этой легенды в русских источниках, подчеркнул связь культа апостола Андрея с Константинополем. По мнению И. С. Чичурова, возникновение культа апостола Андрея на Руси следует относить не ранее чем к 90-м годам XI в.

Роль Киприана в политических событиях, предшествовавших Куликовской битве, его место в ее подготовке раскрывается в докладе Ф. М. Шабильдо (Киев) «К вопросу о приглашении Киприана из Киева в Москву митрополитом всея Руси накануне Куликовской битвы». Приезд Киприана в Москву докладчик датирует маем 1381 г. Ф. М. Шабильдо охарактеризовал связи Киприана с исихастами Византии и Болгарии, раскрыл суть взаимоотношений Киприана и Пимена.

А. Н. Казакевич в докладе «Взятие Константинополя в 1204 г. и в 1453 г. в русском летописании» вскрыл две тенденции в оценке взятия турками Константинополя русскими летописцами, которые проследил на материалах Никоновской

летописи (где идет речь о 1453 г.), Воскресенской летописи и «Повести временных лет». Если в ранних летописях турки выступали в роли заклятых врагов всего христианского мира, то в поздних взятие Константинополя оценивается как рыцарский поединок и даже критикуется слабость византийцев. Докладчик предполагает, что образ турок как врагов христиан стирается в сознании поздних летописцев под влиянием ужасов татаро-монгольского нашествия.

Славяно-византийским отношениям были посвящены доклады О. В. Ивановой и А. Б. Ковачевой.

В докладе О. В. Ивановой (Москва) «Славяне в составе населения Византии в IX—X вв.» рассматривается развитие славянского общества с IX в. до 1018 г., когда произошло падение Болгарского царства. О. В. Иванова характеризует положение отдельных групп славянского населения в составе Византии: так, в Малой Азии славяне, жившие в специальных военных поселениях, переживали процесс культурной ассимиляции; фракийские славяне участвовали в военных действиях на стороне империи в период войны с Болгарией. В докладе также проанализировано социально-экономическое положение славян в период IX—X вв. под властью Византии.

Доклад А. Б. Ковачевой (Москва) посвящен положению болгарского общества накануне завоевания Византией. Анализ проведен на базе «Беседы» Козмы Пресвитера. Докладчица проанализировала социально-психологический аспект проблемы. А. Б. Ковачева пришла к выводу, что автор «Беседы» критикует современное ему общество более обоснованно и резко, чем богомилов. В этом находит выражение морально-психологический и социальный климат в обществе накануне завоевания. Источник, по мнению докладчицы, свидетельствует о пессимистических настроениях, падении нравственности практически во всех слоях населения. А. Б. Ковачева подчеркнула, что при исследовании истории болгаро-византийских и болгаро-русских отношений периода 60—70-х годов X в. в комплексе причин, приведших к завоеванию Болгарии, должно учитываться и социально-психологическое состояние общества.

В. А. Арутюнова-Фиданян (Москва) в докладе «Василий II в армянской средневековой историографии» дала анализ представлений армянских хронистов о личности и деятельности Василия II Болгаробойцы. Различия трактовки образа императора Василия II в средневековой армянской историографии, как подчеркивает докладчица, не столько помогают в уточнении реального образа византийского императора, сколько характеризуют отношение к Византийской империи и ее правителям армянского общества на разных этапах его развития. В. А. Арутюнова-Фиданян отмечает, что исследователи практически не уделяют внимания своеобразной контаминации событий в изложении армянскими авторами хода болгаро-

византийских войн; почти не исследован загадочный эпизод, связанный с пребыванием русской дружины Василия II в Тайке.

В докладе И. И. Выговского (Киев) «Некоторые направления освещения проблемы взаимоотношений Византийской империи и стран Юго-Восточной Европы в журналах „Revue Roumaine d'Histoire“ и „Etudes balkaniques“ Болгарской Академии наук» был проделан последовательный анализ историографии проблемы в публикациях вышеуказанных журналов.

Вопросам нумизматики посвятил свое выступление В. Н. Зоценко (Киев) («Об особенностях обращения византийской монеты в Восточной Европе в IX—начале XIII в.»). Он подчеркнул, что единого мнения о роли византийской монеты в системе восточноевропейского денежного обращения нет. К настоящему времени на территории Киева и среднего Поднепровья найдено 140 экземпляров византийских монет, из них 121 монета относится к периоду от 60-х годов X в. до конца XII—начала XIII в. В. Н. Зоценко выделяет две зоны экономических контактов — южную Русь, тесно связанную с Византией, и северную Русь, находившуюся в опосредованных связях с империей (там также обнаружены византийские милларесии).

Сеция истории искусств объединила участвовавших в сессии искусствоведов, филологов и археологов. Председателями на заседаниях секции были В. С. Шандровская, Л. П. Жуковская, Е. М. Верещагин, И. Ф. Тоцкий. Работой секции руководила В. С. Шандровская. Доклады охватили, по существу, три большие темы: группа докладов, посвященных Софийскому собору и современным ему древнерусским памятникам (Новгород, Полоцк и киевские домонгольские постройки); источниковедческие доклады, группировавшиеся вокруг «Изборника Святослава», «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, а также посвященные таким произведениям, как «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и др.; третья группа докладов была связана с анализом памятников искусства и материальной культуры (печати, бронзовое литье, художественные ткани, ювелирные изделия) преимущественно из Северного и Восточного Причерноморья. В свете новых археологических открытий был поставлен ряд проблем русско-византийских отношений.

Центральное место в работе секции заняла тема «950-летие Софийского собора и Золотых ворот», направленность которой была задана пленарными докладами В. Н. Ачкасовой и С. А. Высоцкого.

Многолетняя реставрационно-исследовательская работа И. Ф. Тоцкой (Киев) в Киевской Софии нашла отражение в двух ее докладах (второй — совместное с Г. М. Штендером). Архитектурно-археологическое исследование включило в себя изучение первоначального архитектурно-художественного облика Софии

в контексте с материалами исследования других древнерусских памятников, и прежде всего Новгородской Софии, новые находки и изучение полов. Были сделаны интересные выводы о том, что первоначальная кладка собора была открытой, древнейшая фресковая роспись имела шлаковый наполнитель и была выполнена не по штукатурке, а непосредственно по кладке, колористические особенности плит пола типичны для древнерусских покрытий XI—XII вв.

А. И. Кочет (Москва) в докладе «Софийский собор и традиции архитектуры Средиземноморья» рассмотрел структуру храма в широком историческом контексте, и в первую очередь в связи с эллинистической и римской строительными традициями. По мнению докладчика, все части храма имели древние прототипы.

Исследованию иконографии, системы росписи, идейного замысла стенописи были посвящены доклады Г. А. Головань и Н. Н. Никитенко (Киев).

О памятниках, современных Софии Киевской, связанных с ней общими композиционными и художественными принципами, шла речь в докладах Е. И. Лопушинской (Киев) «Исследование Золотых ворот в Киеве», Ю. Л. Шаповой (Москва) «Мозаики Успенского собора Киево-Печерской лавры (К вопросу о культурном взаимоотношении Руси и Византии)», А. А. Селицкого (Минск) «Софийский собор в Полоцке (середина XI в.)». В докладе В. В. Клименкова и Ю. А. Лифшица (Киев) «К вопросу о местонахождении Ирининской церкви в Киеве» была сделана попытка связать открытые вблизи Софии строительные остатки храма с упоминаемой в летописи по Лаврентьевскому списку под 1037 г. церковью монастыря храма св. Ирины, заложенной Ярославом Мудрым, вместе с храмом св. Софии, Золотыми воротами, Благовещенской надвратной церковью и монастырем св. Георгия.

Вызвал большой интерес аудитории и другой доклад Ю. А. Лифшица «К вопросу о понятии „город“ в применении к Киеву XI в.».

Археологические открытия в Причерноморье связывались докладчиками с историей Киевской Руси и Византии. Так, С. А. Беляев (Москва) в докладе «Определение места крещения князя Владимира» развил гипотезу А. Л. Бертье-Делагарда о том, что местом крещения князя Владимира в Херсонесе была Уваровская базилика. Докладчик предложил свой вариант реконструкции базиличной крещальни и всего ансамбля храма. По утверждению С. А. Беляева, именно Уваровская базилика была названа в «Слове на перенесение мощей св. Климента» храмов св. Апостолов, а ее крещальня — именем одного из них.

К теме взятия Корсуни князем Владимиром имел отношение и доклад А. И. Романчук (Свердловск) «Слой разрушения конца X в. в Херсонесе (К вопросу о последствиях и времени Корсунского похода русского князя Владимира)», поды-

тоживший стратиграфические наблюдения относительно возможной датировки обширных слоев пожара в Херсонесе, условно относимых к X в. А. И. Романчук полагает, что взятие Херсонеса Владимиром и пожар в городе не совпадают по времени.

Исследованию средневекового Херсонеса был посвящен доклад Н. М. Богдановой (Москва) «Ремесло Херсонеса в X—XV вв.», на материале письменных источников представивший картину развития городских ремесел.

Культурные связи Киевской Руси с Византией, осуществлявшиеся через посредство Херсонеса (Корсуни), стали темой докладов В. Н. Залесской (Ленинград) «Византийский компонент в художественной бронзе древнего Изяслава» и Р. С. Орлова «Византия, Русь и Северное Причерноморье (наборы украшений)». В первом рассматривались византийские бронзовые иконки и кадила-кацеи, ввозившиеся на Русь через Херсонес, и местные подражания, выполнявшиеся в древнерусском городе Изяславле; во втором докладе выявлению подлежали византийские и севернопричерноморские кочевнические элементы в поясных и сбруйных украшениях киевских мастеров.

Вновь открытые византийские памятники были продемонстрированы в докладе И. А. Баранова (Симферополь) «Археологические исследования Судакской крепости (византийские материалы)», подведшего итоги работы в течение нескольких полевых сезонов в Судак.

К истории Северного Причерноморья времени византийского господства относился доклад А. В. Белого (Бахчисарай) «Вопрос о локализации Фулл в связи с неясным свидетельством Менаандра». Автор склоняется видеть в «Фуллах» название племени, а не топонимическое указание.

Л. Г. Хрушкова (Сухуми) в докладе «Дворцовый комплекс в с. Лыхны в Абхазии в контексте византийской архитектурной традиции» проследила византийское влияние в светских раннесредневековых сооружениях Абхазии.

Доклад Ю. Н. Воронова (Сухуми) «Моквский собор и взаимоотношения Византии и Восточного Причерноморья в X в.» — результат исследования культового зодчества средневизантийского периода. Моквский собор — пятинефная купольная постройка, как и ряд близких ей памятников, дает представление о развитии абасго-аланской школы восточновизантийского церковного строительства.

Большое внимание и интерес к памятникам древнеславянской литературы проявились в количестве представленных на сессии докладов, посвященных в большей части «Изборнику Святослава» 1073 г.

Подробный историографический обзор изучения «Изборника Святослава» за последний период дала Л. П. Жуковская (Москва) в докладе «„Изборник Святослава“ 1073 г. Новые данные». Особое внимание в докладе обращено на искусствоведческие наблюдения, на проблему славянского перевода. Очень важно для

существующей древнерусской традиции памятника, насчитывающей около 20 списков, открытие трех ранее неизвестных сербских списков.

В докладе М. В. Бибикова (Москва) «Византийские прототипы „Изборника“» подробно исследованы греческие списки аналогичных по составу сборников, хранящихся в собраниях западных хранилищ. В отличие от традиционной точки зрения о наиболее близкой к «Изборнику» Куаленовской ркп. докладчик устанавливает две основные группы: 1. Ватиканский и Патмосский списки; 2. Куаленовский и Амброзианский, а также списки с «промежуточным» чтением.

Палеографический анализ греческих списков X в. протографа «Изборника» произведен Н. Ф. Каврус (Москва). Автор устанавливает хронологические границы каждого из списков, относя их к середине IX—X в., доказывая при этом их принадлежность к определенным скрипториям (кружок Фотия, скрипторий Константина Багрянородного, Константинопольский).

Г. С. Баранкова в докладе «Отрывки из сочинений Григория Богослова в „Изборнике Святослава“ 1073 г.» отождествляет текст л. 120—120 об. «Изборника» с сочинением Григория Богослова об «арианах», продолжая в своем исследовании традиции изучения Григория Богослова Будановичем.

На материале «Изборника Святослава» рассматривает творческое наследие Максима Исповедника в Древней Руси А. И. Сидоров (Москва). Докладчик выявил свыше 20 фрагментов из сочинения Максима Исповедника, вошедших в состав «Изборника», отмечая при этом, что, хотя тексты отражают «непрямую рукописную традицию» Максима Исповедника, его мировоззрение органично вошло в русскую философскую мысль.

Е. К. Пиотровская (Ленинград) в докладе «К изучению иконографической традиции Козьмы Индикоплова в древнерусской письменности» раскрывает характерную особенность дошедших древнерусских списков сочинения Козьмы, где в противоположность греческим текстам «Христианской топографии» сохранились изображения Козьмы как автора и писателя непосредственно перед текстом произведения. Эта традиция восходит к изображениям евангелистов перед словами в новозаветных текстах, сходство усиливается подражанием позам и стилю изображения Козьмы. Можно предполагать, по мнению докладчицы, что древнерусская традиция изображения и расположения Козьмы перед текстом «Христианской топографии» связана с необычайной популярностью и авторитетом Козьмы как автора и, возможно, что существуют свидетельства раннего проникновения его сочинения в среду древнерусских книжников.

В. И. Ставиский (Киев) на материале знаков на монетах, печатях X—XI вв. доказал взаимосвязь христианских и языческих символов, характерных для времени царствования киевских князей. Особое внимание уделено изображению

восходящего и заходящего солнц, которое находит себе аналогии в иконографической традиции «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова.

Большую роль восприятия византийской эстетики в славянском мире отметил В. В. Бычков (Москва) в докладе «Традиции византийской эстетики в славянском мире (по „Шестодневу“ Иоанна Экзарха Болгарского)». Тщательно анализируя текст «Шестоднева», рано переведенного на древнеславянский язык, докладчик показал, какое необычайно широкое распространение он получил в рукописной традиции, оказав непосредственное влияние на оригинальные славянские сочинения.

Яркое освещение деятельности основателя Киево-Печерского монастыря Антония как просветителя греческой книжной традиции для древнерусских подвижников было дано в докладе И. Н. Лебедевой (Ленинград) «Антоний Киево-Печерский и повесть о Варлааме и Иоасафе». Рассмотрены известные факты посещения Антонием греческих монастырей, продемонстрировано доскональное знание им легенды о Варлааме и Иоасафе, что позволяет высказать гипотезу о возможном существовании одной из особых греческих редакций «Повести» среди древнерусских отшельников.

Типологическим особенностям соотношения греко-византийского наследия в славяно-русской книжности XV—первой половине XVII в. был посвящен доклад В. С. Румянцевой (Москва) «Некоторые вопросы греко-византийского наследия в славяно-русской книжности XV—первой половины XVII в.»

Греческие рукописи XV в. (две — из ГПБ и одна — Британского музея) послужили объектом изучения И. П. Медведева (Ленинград) в его докладе «Греческий писец XV в. Мефодий и его три рукописи». Кодексы известны благодаря своему своеобразному содержанию: один из них (ГПБ, № 243) представляет сборник творений аввы Исая, второй (Лондонский) — сборник так называемых «Родосских песен любви», третий (ГПБ, № 118) — пергаменное евангелие. Лишь в первом сохранился колофон Мефодия. В результате тщательных палеографических наблюдений, сравнивая письмо всех трех кодексов, докладчик убедительно доказывает, что все три исполнены одним писцом — Мефодием. На основании изучения описаний греческих рукописей Пападопуло-Керамевса и Ламброса И. П. Медведев предполагает, что рукопись ГПБ № 243 не принадлежала, как было принято, Елене Кантакузине, а была списком с другой рукописи, имевшейся у нее и доступной Мефодию, с которой он и скопировал свой труд.

Анализ художественных особенностей вещественных памятников нашел отражение в двух докладах: А. Я. Каковкина (Ленинград), «За что ратовал в своих произведениях Астерий Амасийский?» и В. С. Шандровской (Ленинград). «Византийские печати как художественные памятники».

Обращение к произведениям Астерия

Амасийского (IV—V вв.) позволило А. Я. Каковкину проследить морально-эстетические идеалы автора в современном ему мире. На основании раскрытия сути проповедей Астерия можно представить, как одевались в его времена, выделить этнографические черты, показать взаимовлияние разных видов искусства.

Доклад В. С. Шандровской знакомит с мастерством византийских гравиров, индивидуальность каждого из которых проявлялась не в подборе сюжетов, а в мастерстве их исполнения. Избранные печати с изображениями богоматери, святых, многофигурных композиций датируются большей частью XI в. В основе их хронологической атрибуции — чтение легенд, в которых заключены родовые имена заказчиков (Никифор Мелиссин, Лев Врахамий, Михаил Офрида, Давид Вурц и др.).

На пленарном заседании 14 мая состоялись доклады К. В. Хвостовой, С. П. Карпова (Москва), Р. М. Бартияна (Ереван).

В докладе К. В. Хвостовой «Проблемы экономического менталитета в поздней Византии» его развитие изучается на протяжении XIV—XV вв. Автор проводит параллели между отношением в поздней Византии к понятиям и категориям собственности, торговли, труда, природы, богатства и нищеты и восприятием этих категорий в период античности. Роль античной традиции, подчеркивает К. В. Хвостова, особенно ярко прослеживается в отношении к природе, к способности земли плодоносить. В общественном сознании сохраняется примат земледелия по сравнению с другими видами деятельности. Алексей Макремовит осуждает богатство, стремление к обогащению, Кавасила презирает ростовщиков, византийские интеллектуалы XIV—XV вв. с предубеждением относятся к торговле. Это нашло выражение и во взглядах Георгия Гемиста Плифона. В качестве одной из черт экономической ментальности К. В. Хвостова отмечает у ряда поздневизантийских авторов положительное отношение к личному труду. Интересны и экономические аспекты представлений о собственности. Проблемы экономического менталитета в поздней Византии раскрыты докладчиком на обширном историческом материале хроник, трактатов, житий и т. д.

Доклад С. П. Карпова «Торговая политика Венеции в Южном Причерноморье (конец XIII—начало XIV в.)» был посвящен исследованию механизмов, целей и структуры торговли итальянских республик на Востоке. В конце XIII—начале XIV в. два государства были объектом воздействия венецианской и генуэзской торговли: Трапезунд и Синопский эмират (эмират Джандаров). Докладчик отметил, что основным принципом венецианцев в ведении торговли было обеспечение ее выгодности и безопасности. Отличительной особенностью Венеции было то, что контролем за торговлей и обеспечением ее безопасности занималось государство, в то время как в Генуе этим занимались частные лица.

С. П. Карпов выделяет суть привилегий, которых Венеция добивалась у Византии: свободный проезд по территории империи, право организации торговых факторий. Докладчик специально рассмотрел термин «натурализация», т. е. предоставление прав гражданина одной из итальянских республик местным жителям, что влекло за собой значительные привилегии в фискальной сфере. Степень распространения натурализации свидетельствует об уровне интегрированности местного купечества в международную торговлю. Докладчик подробно охарактеризовал процесс натурализации, его характерные черты на определенных этапах развития византийско-венецианских отношений, сопоставил два типа натурализации — венецианский и генуэзский.

В докладе Р. М. Бартияна (Ереван) исследовались взаимоотношения Армении и Византии в X—XI вв. Докладчик подчеркнул, что в «Книге о церемониях» Константина Багрянородного формы обращения к главам государств определялись типом зависимости их от Византии согласно официальной византийской точке зрения. Императоры Македонской династии стремились хотя бы формально поставить Армению в зависимости от себя, поэтому правителя Армении называли духовным сыном, но не братом императора. Докладчик подробно анализирует взаимоотношения византийской и армянской церквей, подчеркивая, что предпринимались шаги к установлению унии между ними. Значительна была роль армянских войск, сражавшихся на стороне Византии. Контакты Армении и Византии были особенно прочными в XI—XII вв. Докладчик остановился также на конфликтных моментах в истории армяно-византийских взаимоотношений.

На пленарном заседании 14 мая 1987 г. прозвучало два сообщения о новых археологических находках и исследованиях.

В. В. Павловой (Киев) было сделано сообщение о находке клада, обнаруженного 6 августа 1986 г. в Киеве, на ул. Кудрявская, в подвале д. 10. В составе клада височное кольцо с остатками жемчуга, 18 фрагментов от колец, золотая дужка, ожерелье из 23 золотых бусин, ожерелье из бронзовых бусин, 2 серебряных браслета. Все перечисленное — предметы женского украшения. Можно выделить две группы вещей: выполненные в славянском стиле и созданные под влиянием византийских мастеров (изделия с перегородчатой эмалью). Анализ находок продолжается.

В. В. Отрощенко и Ю. Я. Рассамкин (Киев) сообщили об обнаружении и исследовании погребения половецкого хана в Чингунском кургане. В 1981 г. Запорожская экспедиция Института археологии АН УССР исследовала погребение знатного воина, где были обнаружены также останки лошадей, баранов, две амфоры и др. У погребенного имелся золототканый кафтан, шелковый ремень, электрова цепь, драгоценные камни, гривна с жезлом, курильница, ремень с ножом, оружие и доспехи. Аналогичные

погребения известны у куманов-половцев. Большинство исследователей относят погребение к XIII—XIV вв., некоторые — к 4—60-м годам XIII в. Предметы имеют различие, в том числе и византийское, происхождение. Посуда происходит из Таврики и Византии. Видимо, византийские предметы попадали в руки половцев не в результате грабежей, а в качестве даров, так как половцы были союзниками византийцев.

На заключительном пленарном заседании состоялись отчеты председателей секций истории и истории искусств К. В. Хвостовой и В. С. Шандровской, которые подвели итоги работы секций. Они отметили высокий уровень большинства докладов, большой интерес, проявленный общественностью г. Киева к секционным заседаниям. В плане критики в адрес оргкомитета было указано на недостаток времени для обсуждения докладов и полноценных научных дискуссий.

В заключительном слове директор ИВИ АН СССР член-корреспондент АН СССР Э. В. Удальцова подчеркнула, что сессия

византистов прошла весьма плодотворно и продемонстрировала разнообразие научных направлений и подходов к изучению истории Византии, большой интерес к ее связям с другими странами и народами, к роли, которую она сыграла в нашей национальной истории.

XII сессия византистов объединила на своих заседаниях большинство советских историков Византии. В ее работе приняли участие византисты из разных городов нашей страны: из Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска, Еревана, Сухуми, Минска, Полоцка, Новгорода и др. На секции истории прозвучало 25 докладов, на секции истории искусств — 30. 9 докладов было сделано на пленарных заседаниях, а всего прочитано 65 докладов. Широта проблематики сессии, высокий профессионализм докладчиков, научная и общекультурная значимость и актуальность изучавшихся проблем позволяют считать XII Всесоюзную сессию византистов важным событием в развитии советского византиноведения.

В. С. Шандровская (Ленинград), А. Б. Ковачева (Москва)

ВТОРЫЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ МИХАИЛА ЯКОВЛЕВИЧА СЮЗЮМОВА

22—24 сентября 1987 г. в Свердловске состоялись Вторые научные чтения памяти Михаила Яковлевича Сюзюмова, бывшего заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В чтениях приняли участие бывшие ученики М. Я. Сюзюмова, работающие на Урале, и византисты из Москвы, Ленинграда, Еревана.

На пленарном заседании воспоминания об учителе поделились Р. Г. Пихоя (зав. кафедрой истории СССР, досоветский период) и В. В. Баженов (доцент кафедры истории государства и права Свердловского юридического института), которые говорили о постоянном эмоциональном напряжении и высокой эрудиции, захватывавших студентов на лекциях М. Я. Сюзюмова, о внимании к источнику и историографическим экскурсам, любовь к которым он стремился привить своим ученикам. Много говорилось и о М. Я. Сюзюмове как блестящем собеседнике, от которого можно было услышать меткие и вдумчивые замечания и по текущим вопросам жизни, с которым обсуждались и дискуссионные проблемы истории.

Отражением многогранных научных интересов, азарта полемиста являются материалы, включенные в фонд Сюзюмова, хранящийся в Государственном архиве Свердловской области (фонд Р-802), с обзором которого выступила М. А. Поляковская. В докладе сделана попытка воссоздать путь М. Я. Сюзюмова как ученого — от первых студенческих работ, рукописи которых сохранились в архиве, до статей и писем последних лет жизни. Архив содержит 278 дел, отражающих 70 лет жизни М. Я. Сюзюмова. Докладчица отметила, что наряду с неопубли-

кованными работами особую ценность представляют письма. Многие помнят его послания, отпечатанные на верхнем регистре машинки с греческой клавиатурой. Содержание писем отражает дискуссии по проблемам города, происхождения феодализма в Византии, концентрируется вокруг споров о проблемах синтеза и межформационных связей. Письма дают представление о М. Я. Сюзюмове как страстном полемисте, не признававшем компромиссов. С его легкой руки слово «континуитет» перестало быть бранным. Главное во всем творчестве Михаила Яковлевича (и это отражено в материалах архива) — неприятие узкоформационного подхода к анализу исторических явлений. Он писал в одном из писем: «Есть лица, которые мыслят „моделями“: капитализм так капитализм, феодализм так феодализм. Я же (считаю себя ортодоксом марксистом-ленинцем) мыслят процессами в недрах диалектического континуитета» (дело 157).

Сохранившиеся документы свидетельствуют, как много сил отдавал М. Я. Сюзюмов созданию Уральского центра византиноведения. Он писал «Школа уральская — с 1942 г., когда здесь в Свердловске хранился эвакуированный архив Херсонеса, когда собирались Стржелецкий, Виноградов, Сюзюмов, Суров, которые мечтали сделать Свердловск центром византиноведения» (дело 154). В целом материалы архива позволяют охарактеризовать М. Я. Сюзюмова как человека парадоксального характера мышления, рыцаря высоких знаний, непреклонного борца в науке и одновременно человека, каждодневно проявлявшего свое по-юношески влюбленное отношение к прекрасной даме — Истории.